

Тарас Шевченко

Кобзарь (в переводе русских писателей)

Тарас Шевченко

**Кобзарь (в переводе
русских писателей)**

«Public Domain»

Шевченко Т. Г.

Кобзарь (в переводе русских писателей) / Т. Г. Шевченко —
«Public Domain»,

«Кобзарь» – сборник произведений выдающегося украинского поэта Тараса Шевченко. В них отображен широкий круг авторских размышлений о судьбе украинского народа и нелегкой истории родной земли. Для сборника характерно богатство фольклорных образов. Перевод поэзий на русский язык осуществлен известными русскими писателями: Н. Бергом, И. Белоусовым, Н. Гербелем, В. Гиляровским, Е. Гославским, Н. Головановым, С. Мусиным-Пушкиным, И. Суриковым и др.

Содержание

Тарас Григорьевич Шевченко	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Тарас Григорьевич Шевченко КОБЗАРЬ

В переводе русских писателей:

Н. В. Берга, И. А. Бунина, И. А. Белоусова, Ф. Т. Гаврилова, И. В. Гербеля,
В. А. Гиляровского, Е. П. Гославского, Н. Н. Голованова, С. Д. Дрожжина,
В. В. Крестовского, П. М. Ковалевского, А. А. Коринфского, Л. А. Мея,
М. И. Михайлова, С. А. Мусина-Пушкина, А. А. Монастырского, А. Н. Плещеева, Н. Л.
Пушкарева, И. Д. Радионова, И. З. Сурикова, П. А. Тулуба, А. Шкаффа и др.

25 февраля 1814 года, в селе Моринцах, Звенигородского уезда, Киевской губернии, у крепостного крестьянина помещика Энгельгардта, Григория Шевченка, родился сын Тарас, – будущий знаменитый украинский поэт. Тарас был третьим ребенком у Григория: – первым был сын Никита, а вторым – дочь Катерина. Вскоре после рождения Тараса отец переселился жить в с. Кирилівку, того же уезда, где и протекли первые младенческие годы будущего поэта; на этом основании Т. Г. Шевченко в своей известной автобиографии, написанной по просьбе редактора журнала «Народное Чтение» А. А. Оболенского, – Кирилівку называет своей родиной.

Как прошло детство Т. Г. Шевченка, об этом мы находим описание в одном из его сочинений на великорусском языке. Вот как он вспоминает о своем детстве:

«Передо мною наша бедная, старая, белая хата, с потемневшею соломенною крышей и черным «дымарем», а около хаты «на причилку», яблоня с краснобокими яблоками, а вокруг яблони цветник, любимец моей незабвенной сестры, моей терпеливой, моей нежной няньки. А у ворот стоит старая развесистая верба с засохшею верхушкою, а за вербою «клубня» (хлебный сарай), а за «клубнею» по косогору пойдет уже сад, а за садом – «левада» (сенокос), – а за «левадою» – долина, а в долине тихий, едва журчащий, ручеек, уставленный вербами и калиною, окутанный широколиственными, темно-зелеными лопухами. А в этом ручейке купается кубический белокурый мальчуган; выкупавшись, вбегает в тенистый сад, падает под первую грушею и засыпает... Проснувшись, он смотрит на противоположную гору и думает: а что же там, за горою?.. Там должны быть железные столбы, что поддерживают небо!..»

«И пошел этот белокурый мальчуган (не кто иной, как автор рассказа, Тарас Григорович), к железным столбам, долго шел, до самой ночи, и пришел, сам не зная куда; к счастью, попались ему чумаки и довели его до дому... Когда я пришел домой, то старшая сестра (продолжает рассказ Шевченко) подбежала ко мне, схватила меня на руки, понесла через двор и посадила в кружок «вечерять» (ужинать), сказавши: «Сидай вечерять, прибуду». – Повечерявши, сестра повела меня спать, уложила в постель, перекрестила, и поцеловала»...

Эти воспоминания относятся к 5–6 летнему возрасту поэта. Как видно, здесь Тарас Григорович с большой любовью вспоминает о сестре и ни слова не говорит о матери. Как объяснить это обстоятельство? По-нашему, очень просто: мать, «вековечная работница», батрачка для своей семьи, не могла заниматься с детьми, которых у нее после Тараса было еще двое – Ирина и Осип. Дети были предоставлены сами себе: старшие сестры исполняли роль нянек для младших братьев.

В 1823 г. умерла мать Шевченка; с этого года в жизни маленького Тараса произошла большая перемена: беззаботное детство кончилось, началась жизнь, полная лишений, невзгод и несчастий, не покидавших поэта до самых последних дней его жизни.

Отец Шевченка, у которого на руках осталось 5 человек детей, никак не мог вести хозяйство без женщины и вскоре после смерти своей первой жены женился во второй раз на вдове с детьми. Пошли раздоры; – мачеха возненавидела Тараса за враждебное отношение его к ее детям, за скрытность и упрямство, но отец не переставал заботиться о сиротах, оставшихся

без родной матери: не желая, чтобы, дети его были безграмотными, Григорий Шевченко отдал маленького Тараса учиться к мещанину Губскому.

Грамота далась мальчику сразу, но успехам в обучении мешали нескончаемые шалости и проказы свободолюбивого ребенка. К тому же это учение прервалось, благодаря горестному обстоятельству: умер Григорий Шевченко, когда сыну его Тарасу минуло только 11 лет. Умирая, Григорий Шевченко оставлял своих детей от 1-й жены круглыми сиротами и вот ему хотелось чем-нибудь их обеспечить; когда, при разделе «крестьянской худобы», дошла очередь до Тараса, Григорий сказал: «Сыну Тарасу из моего хозяйства ничего не нужно; он не будет каким-нибудь человеком: из него выйдет или что-нибудь очень хорошее, или большой негодяй»...

После смерти мужа мачеха, чтобы избавиться от лишнего рта в доме, чтобы не видеть надоедливового ребенка, постаралась сбыть Тараса из дома: она нашла ему занятие, – пасти свиней и телят кирилловских крестьян. С ломтем черного хлеба за пазухой, с кнутом в руках, мальчик целые дни проводил на пастбище, в степи, где только одни «могилы» – курганы «стоят и сумуют». Тарас любил эти безмолвные «могилы»; – ляжет на траву, подопрет голову ручонками и смотрит долго, долго в синюю даль. Кто знает, – может быть эти родные картины привольных степей так резко запечатлелись в детском мозгу, что потом выплыли наружу, вылились в чудных стихах в период творческой деятельности поэта...

Но вот наступила зима; – Тарас остался опять без дела, опять мачехе надо было думать, что делать с ненавистным пасынком; чтобы выжить его из дома, она отдала его в ученье к дьячку Бугорскому, где Тарас снова засел за Часослов и Псалтирь; потом он перешел к священнику Нестеровскому, где научился писать... Что за преподаватель был Бугорский, можно судить по тому, что сам поэт писал впоследствии в своих воспоминаниях: «Мое детское сердце было оскорблено этим исчадием деспотических семинарий миллион раз, и я кончил с ним так, как вообще оканчивают выведенные из терпения беззащитные люди – мстью и бегством.

«Найдя его однажды бесчувственно пьяным, я употребил против него собственное его оружие – розги и, насколько хватило детских сил, отплатил ему за все жестокости»...

Сначала Шевченко скрывался в садах, куда сестры носили ему пищу; потом Тарас бежал в м. Лисянку к дьякону, который занимался «малярным искусством», т. е. был живописец. Страсть к рисованию уже в это время у Шевченка пробудилась; но только 4 дня мог выдержать Тарас у дьякона – «художника», не отличавшегося ничем в приемах преподавания от прежних учителей. Сначала Шевченко направился в Стеблов (Каневского у.), а потом в Тарасовку к дьячку – «хиромантику», но этот последний наставник нашел будущего поэта ни к чему не способным и удалил от себя.

Куда было двинуться бедняге – сироте? Он вернулся в родное село; – больше, кажется, некуда было идти? Он решил опять приняться за прежнюю работу – пасти свиней и телят.

Старший брат Шевченка, Никита, хотел было приучить Тараса к хозяйству, но подвижная натура Тараса была не сродни этому упорному и постоянному труду, – и он опять покинул родное село и поселился в селении Хлебновском, славящемся «малярами». Один из хлебновских «маляров» продержал его две недели, а больше держать не решился: у крепостного мальчика не было отпускного свидетельства. За этим-то свидетельством и посоветовал «маляр – хозяин» Тарасу сходить к управляющему имениями Энгельгардта – Димитренко; к нему и отправился Шевченко; но управляющий, вместо того, чтобы дать ему разрешение на жительство в Хлебновском, заметив расторопность 15-ти-летнего юноши, оставил его у себя в числе дворовой челяди. Это случилось в 1829 году, а как раз в это время Энгельгардту потребовались разные дворовые люди, которых он и приказал управляющему набрать из своих крепостных. Димитренко собрал до дюжины мальчиков, в число которых попал и Шевченко; перед отправлением их к барину в Вильно, управляющий сначала разместил их у себя на разные должности в виде испытания. Шевченко попал в поваренки и стал помогать главному повару; на его обязанности лежало носить дрова, чистить кастрюли, выносить помои. Но страсть к рисованию

не покидала Шевченка и среди этой работы: в глухом уголке сада он устроил нечто вроде картинной галереи, – развесил по сучкам картинки, – и в свободную минутку уходил туда списывать с них карандашом копии. Если отсутствие «художника» замечалось главным поваром, то «художник» получал неизбежную дерку.

После испытания дворовых, Димитренко отправил их в Вильно с поименным списком, в котором значились способности и качества каждого. Будущий поэт был отмечен – «годным для комнатного живописца».

Однако на этот аттестат в Вильно не обратили внимания, и Шевченко сделали «комнатным казачком», занятие которых состояло в постоянном пребывании в передних, в подавании трубки и проч. Но и здесь художник вырвался наружу: Шевченко срисовывал все, как только находил время и место.

Барин в это время путешествовал по России; Шевченко следовал за ним в качестве неотлучного казачка. Прошел год; барин, может быть, заметил наклонности к художеству у Шевченка и, в бытность свою в Варшаве, отдал его в науку к комнатному живописцу, но последний, обладая искусством красить только потолки и стены, заметил необыкновенные способности ученика и объявил об этом барину, посоветовав отдать Шевченка известному в то время портретисту Лампи. Энгельгардт, в надежде иметь своего хорошего художника, воспользовался советом и «казачка» преобразили: обчистили, вымыли, придели и приказали ходить на уроки, которые, однако, продолжались недолго: по случаю восстания в Польше, Энгельгардт уехал в Петербург, а всю свою дворню приказал отправить туда по этапу; этот прием объясняется тем, что помещику не хотелось тратиться на доставку людей, да кстати, чтобы быть гарантированным от побега с дороги.

По прибытии в Петербург Энгельгардт не оставил намерения сделать из Шевченка «своего» художника и отдал его на 4 года к живописцу Ширяеву. Этот новый учитель Шевченка применял точно такие же приемы в преподавании, как и предыдущие его наставники, – т. е. дьячок-спартанец, дьякон-«маляр» и другой дьячок – «хиромантик».

«Несмотря на весь гнет его тройственного гения, – пишет Шевченко, – я в светлые осенние ночи бегал в Летний сад рисовать со статуй». В это время Шевченко познакомился с художником – земляком, Иваном Максимовичем Сошенко... И. М. Сошенко так рассказывает о своем знакомстве с Тарасом Григоровичем: «Когда я был «в гипсовых головах», или нет, кажется «в фигурах», не то в 35-м, не то в 36-м году, вместе со мной приходил в академию швагер Ширяева. От него я узнал, что у его зятя находится в мальчиках мой земляк Шевченко, о котором я кое-что слышал еще в Ольшаной, живя у своего первого учителя, Превлоцкого. Я убедительно просил. родственника Ширяева прислать земляка ко мне на квартиру. Узнав о моем желании познакомиться с ним, Тарас на другой же день, в воскресенье, отыскал мою квартиру в 4-й линии Васильевского острова и явился ко мне в таком виде: на нем был замасленный тиковый халат; рубаха и штаны из толстого деревенского холста были запачканы в краске; босой, «расхристанный» и без шапки. Он был угрюм и застенчив.

С первого же дня я заметил в нем сильное желание учиться живописи. Он начал ходить ко мне, не пропуская ни одного праздника. Во время таких посещений, Тарас урывками передавал мне некоторые эпизоды из своего прошлого и почти всегда заканчивал свои рассказы ропотом на судьбу...»

Сошенко был тронут участием своего молодого земляка и всей душой желал помочь ему. Прежде всего, он посоветовался со своим знакомым, известным малорусским писателем Е. Гребенкой. Гребенка сердечно отнесся к Тарасу Григоровичу: он помогал ему и советами, и деньгами; давал ему читать книги из своей библиотеки. Но Сошенко не довольствовался этим первым шагом к облегчению участи Шевченка: он обратился с просьбой к секретарю академии Григоровичу избавить даровитого юношу от тяжелого положения у живописца Ширяева.

В это время Тарас Григорович через Гребенку познакомился с придворным живописцем Венециановым, который, по просьбе Григоровича, представил Шевченка В. А. Жуковскому. Можно судить, как повлияли эти знакомства на молодого человека. Жуковский, желая ближе познакомиться с начинающим художником, задал ему тему: описать жизнь художника. Как удовлетворил желание Жуковского Шевченко, осталось неизвестным. Известно только, что с того времени воспитатель Державного Освободителя крестьян стал усиленно хлопотать о выкупе крепостного автора.

А жизнь Шевченка у Ширяева шла своим чередом; положение не изменялось. Проработавши целый день в мастерской, Шевченко поздними вечерами или по ночам любил уходить в Летний сад, набрасывать контуры со статуй или мечтать о свободе.

В этом же Летнем саду начались его первые литературные опыты. «Украинская строгая муза, – говорит он, – долго чуждалась моего вкуса, извращенного жизнью в школе, в помещичьей передней, на постоянных дворах и городских квартирах. Но когда предчувствие свободы возвратило моим чувствам чистоту первых лет детства, проведенных под убогою батьковскою стрехою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой стороне»...

Заветной мечтой Шевченка было попасть в академию; Энгельгардт, преследуя цель иметь дарового художника, не был против этого желания, но как раз доступ в академию в это время крепостным был закрыт; Шевченко остался на полдороге; заветные мечты были разрушены; гнет крепостничества еще тяжелее лег на его чуткую душу, и когда он узнал, что взявшиеся хлопотать об освобождении его от крепостной зависимости, – даже такие влиятельные люди, как Жуковский и Вьельгорский, – ничего не могли поделать с упрямым помещиком, – нехорошее чувство проснулось в сердце, много наболевшем сердце, поэта, и он в минуту раздражения поклялся жестоко отомстить своему господину. Это было в квартире у Сошенька: последний, видя такое настроение своего друга, очень беспокоился за него, понимая, что в подобные минуты человек на все способен...

Сошенко пошел к Ширяеву и упросил его дать Шевченку месячный отпуск, чтобы он ходил для изучения живописи в залу общества поощрения художеств. Ширяев согласился; но гнетущее состояние не покидало поэта. Случайно узнал об этом В. А. Жуковский и прислал успокоительную записку. Насколько был благодарен Шевченко Жуковскому за его участие и сердечное отношение к нему, можно заключить из того, что присланную Жуковским записку Тарас Григорович хранил, как святыню, и постоянно носил ее при себе.

Если эта записка могла успокоить Шевченка, то в ней, наверное, было высказано что-нибудь положительное относительно его освобождения.

Кроме Жуковского много хлопотал об освобождении поэта и К. П. Брюлов; он сам ездил к Энгельгардту, но вынес из своего посещения лишь то убеждение, «что это самая крупная свинья» и больше не поехал к Энгельгардту, но попросил съездить к нему Сошенка. Последний в свою очередь упросил Венецианова, как более влиятельного человека, которому Энгельгардт прямо отрезал: «Моя решительная цена – 2500 рублей».

Тогда Брюлов с Жуковским придумали средство добыть «цену свободы». – Брюлов взялся написать портрет с Жуковского и разыграть его в лотерею, и на собранные деньги выкупить Шевченка. Шевченко в это время заболел тифом и лежал в больнице. Портрет был готов; билеты распроданы. Между прочим, участие в этой лотерее принимала и Царская Фамилия. Розыгрыш состоялся, и 22 апреля 1838 г. Шевченко стал свободным человеком; он в это время находился на пути к выздоровлению и ничего не знал о случившемся. Сошенко хотел было сейчас же известить друга о такой великой радости, но доктор посоветовал обождать, чтобы сильное волнение не повредило неокрепшему здоровью больного. Однако Шевченко узнал о своей свободе от Ширяева, и когда Сошенко пришел в больницу навестить его, то Тарас Григорович спросил его: «Правда ли, что меня выкупили?» Сошенко ответил: «Пока похоже на правду». Шевченко залился слезами и долго не мог успокоиться.

По выходе из больницы Шевченко начал посещать классы академии художеств. Поселился он у своего земляка – Сошенка. Перемена, происшедшая в жизни недавнего крепостного, бесконечно радовала его. «Я, – пишет в своих воспоминаниях Шевченко, – ничтожный замарашка, на крыльях перелетел в волшебные залы академии и пользовался наставлениями и дружескою доверенностью величайшего из художников».

В это время через Брюлова Шевченко познакомился с лучшими петербургскими домами; он вошел в моду; его приглашали, как диковинку, и он стал разъезжать по вечерам, одеваться франтом. «Вообще, – говорит Сошенко, – в него вселился светский бес», и не раз журил его за это и заставлял не тратить попусту время, а приниматься за дело; делом же Сошенко считал только живопись. «Я и сам думал, – пишет Шевченко в 1857 году, – что живопись – моя будущая профессия и насущный хлеб, но вместо того, чтобы изучать глубокие таинства живописи, под руководством такого учителя, как бессмертный Брюлов, я, – говорит он, – сочинял стихи, за которые мне никто гроша не платил и которые лишили меня свободы»...

«Что же я делал в этом святилище (в мастерской Брюлова)? – спрашивает себя Шевченко и отвечает: «Странно подумать, – я занимался тогда сочинением малороссийских стихов, которые такою тяжестью впоследствии упали на мою душу. Перед дивными произведениями Брюлова я задумывался и лелеял в своем сердце «Слепца-Кобзаря» и своих кровожадных «Гайдамак». В тени его изящно-роскошной мастерской, как в знойной степи надднепровской, передо мною мелькали мученические тени бедных гетманов. Передо мной расстилалась степь, усеянная курганами. Передо мной красовалась моя прекрасная, моя бедная Украина во всей непорочной, меланхолической красоте своей. Я не мог отвести духовных очей своих от этой родной, чарующей прелести... Призвание – и ничего больше!...»

У Сошенка Тарас Григорович прожил 4 месяца, потом поселился у художника Михайлова.

Как ни велики были соблазны светской жизни, однако, поэт не забывал и себя: в первые годы академической жизни, в 1888–1889 году, Тарас Григорович особенно усиленно работал над своим развитием; в этом рвении к самообразованию ему много способствовали Брюлов и Гребенка. Обширная библиотека Брюлова была открыта для Шевченка и в ней он прочитал лучшие произведения русских и польских художников слова; не довольствуясь этим, он посещал некоторые лекции профессоров университета, учился французскому языку...

Круг знакомых у Шевченка расширился: много было знакомых художников, были и свои братья-земляки... Но как ни хорошо чувствовал себя Шевченко, освобожденный от крепостной зависимости, он ни на минуту не забывал, что его братья и сестры все еще крепостные. Он писал письма в деревню, входил в их семейные дела, и вообще заботился об их положении.

В конце 1839 года, Шевченко познакомился с П.И. Мартосом, который ходил к нему на сеансы. В это время Гребенка задумал издать стихотворения Шевченка, но не находилось издателя; таковым согласился быть Мартос, и в следующем 1840 году вышел небольшой сборник стихов Шевченко на малорусском наречии, под заглавием «Кобзарь».

На Украине пришли в восторг от стихов родного поэта, и радостно приветствовали появление «Кобзаря». Старый писатель Квитка-Основьяненко, получивши экземпляр «Кобзаря», вот что писал его автору: «Когда мы с женой начали читать «Кобзаря», волосы на голове поднялись, в глазах зеленело, а сердце как-то болит... Я прижал вашу книгу к сердцу; ваши мысли ложатся на сердце... Хорошо! Очень хорошо! Больше не умею сказать».

В 1841 г. вышла отдельным изданием поэма «Гайдамаки».

Первое появление в печати произведений Тараса Григоровича было встречено русскими критиками глумлением и насмешками над малорусским наречием и народностью. Отзывы эти сильно повлияли на Шевченка, и он начал писать по-русски; насколько известно, в это время им была написана драма «Слепая красавица». Друзья-земляки старались убедить поэта в ложном понимании критики и указывали ему на то, что критика признает его талант, а только

нападает на язык и на то, что он, «мужичий поэт». Шевченко долго колебался и, наконец, в 1843 г., так высказался в своем письме к Тарновскому:

«Меня называют энтузиастом, т. е. дураком, – ну и пусть! Пускай я буду мужичий поэт, лишь бы только поэт; мне больше ничего и не надо!»...

В 1843 г. Тарас Григорович отправился на родину; первое время он начал было усердно посещать балы богатых помещиков, которые большую часть времени проводили за картами и выпивкой и даже образовали общество «Мочемордия». Шевченко разделял сначала компанию с этими «мочимордами», но скоро он разочаровался в них: крепостной гнет, который поэт видел на каждом шагу, отравлял минуты его существования. Чужбинский в своих воспоминаниях рассказывает очень характерный случай, происшедший с Шевченко при посещении им одного богатого пана. «Мы пришли, – говорит Чужбинский, – на обед довольно рано. В передней слуга дремал на скамейке. К несчастью, его хозяин выглянул в дверь и, увидев дремавшего слугу, разбудил его собственноручно, по-своему, не стесняясь нашим присутствием. Тарас Григорьевич покраснел, надел шапку и ушел домой».

Другой случай, подобный первому, произошел с помещиком Лукашевичем:

«Однажды, в суровую зиму, Лукашевич прислал своего крепостного человека в Яготин к Шевченку (за 30 верст расстояния) по какому-то неважному делу и строго наказал ему возвратиться с ответом в тот же день. Узнав о таком бесчеловечном приказании слуге, Тарас Григорович не хотел верить своим ушам; но факт был налицо и ему пришлось горько разочароваться в своем мнении о человеке, которого он считал за порядочного. Шевченко написал Лукашевичу письмо, полное желчи и негодования, и заявил ему, что прекращает навсегда с ним знакомство».

Крепостник Лукашевич ответил Тарас Григоровичу письмом, где было ясно высказано, что таких олухов, как Шевченко, у него 300 душ». Первое время, когда Тарас Григорович рассказывал кому-нибудь об этом случае, то плакал, как ребенок.

Но среди подобного рода знакомых выдавались люди, отличавшиеся гуманностью и образованием: к числу последних принадлежала семья украинского генерал-губернатора кн. Репнина, к дочери которого, княгине Варваре Николаевне, Тарас Григорович питал какое-то особенное благоговение.

В 1844 г. Шевченко был на родине, а в следующем году снова посетил родные места; на этот раз он извездил большую часть Украины и побывал у всех своих родных и везде был встречаем с приветствиями. Явилась масса знакомств, двери квартиры, занимаемой им, не затворялись, – все спешили взглянуть на своего Кобзаря.

Весною 1846 г. Шевченко приехал в Киев; здесь он задумал срисовать многие достопримечательности этого города: поселился он на квартире художника Сожина. «Вечером – говорит Чужбинский, – мы все трое сходились. Ничего не было приятнее наших вечеров; мы усаживались за чай и передавали друг другу свои дневные приключения».

В этом же 1846 г., в Киеве, Шевченко познакомился с Н. И. Костомаровым. «Жил я тогда, – пишет Н. И. Костомаров, – на Крещатике, в д. Сухоставского.

«Напротив моей квартиры был трактир с номерами, а в одном из этих номеров появился Шевченко, по возвращении из-за днепровской Украины. После Пасхи, не помню с кем из моих знакомых, пришел ко мне Шевченко и с первого раза произвел на меня приятное впечатление. Достаточно было с этим человеком поговорить час, чтобы вполне сойтись с ним и почувствовать к нему сердечную привязанность.

«В это время мою душу занимала идея славянской взаимности. В первый день праздника Рождества Христова, того же 46 г. мы сошлись с поэтом и одним молодым помещиком у нашего общего приятеля Н.И. Гулака. Разговор у нас шел о делах славянского мира; высказывались надежды будущего соединения славянских народов в одну федерацию, под скипетром Всероссийского Императора, и я при этом излагал мысль о том, как было бы хорошо существование

«ученого общества славянского». Общество это должно было называться «Кирилло-Мефодиевским».

«Между тем, за стеной квартиры Гулака была другая квартира, из которой слушал наши беседы какой-то неизвестный господин, оказавшийся студентом Алек. Петровым, который постарался написать и послать куда следует сообщение о нас, сбив чудовищным образом в одно целое наши разговоры о славянской взаимности и об эпохе Хмельницкого, которую я тогда усердно занимался, и выведя отсюда существование политического общества».

Вскоре после этого события Шевченко уехал в Черниговскую губернию, и когда он через несколько дней возвращался в Киев, был задержан на пароме при переправе через Днепр полицейским чиновником.

В июне 1847 г. Шевченко был доставлен в Петербург, зачислен в рядовые Оренбургского линейного батальона; через три месяца он очутился на месте ссылки в Орской крепости; ему было запрещено писать и рисовать. И тянулись долгие годы заключения со многими превратностями, которые зависели от людей, власть имеющих над ссыльными. Были времена, когда на Шевченко кара наказания ложилась всею своею тягостью и только его закаленная натура могла перенести этот гнет. Но были и послабления; между прочим, Шевченко был взят лейтенантом Бутаковым в экспедицию по исследованию берегов Аральского моря, для снятия видов; когда же труды Шевченка были представлены генералу, с ходатайством об облегчении участи ссыльного, – получилось совершенно обратное: из Петербурга пришел приказ перевести Шевченка на Азиатский берег Каспийского моря в отдаленное Новопетровское укрепление, со строгим приказом коменданту наблюдать, чтобы Шевченко не мог ничего ни писать, ни рисовать.

Буквально оторванный от живого мира, поэт загрустил. Должно быть, так ему было холодно кругом, так пусто, если у него могли вырваться такие слова в письме к Гулаку: «Родился и вырос в неволе, да и умру, кажется, солдатом!.. Какой-нибудь да был бы конец, а то, право, надоело»...

В конце 1852 г. в Новопетровской администрации произошла перемена: назначен новый комендант, майор Усков.

Жена Ускова еще в Оренбурге слышала о Шевченке и ехала в Новопетровск с мыслью принять участие в облегчении участи поэта. Шевченко не сразу, постепенно, но близко сошелся с семьей Усковых, где было двое маленьких детей, – это была одна из причин, притягивающих его к дому коменданта: Тарас Григорович страстно любил детей. Усковы полюбили Шевченка, как близкого родного; он стал как бы нераздельным членом их семьи.

С этого времени начались постепенные облегчения по службе. Шевченко вздохнул свободнее: его уже перестали без толку мучить «муштрою», да и жить он стал не в «смердячей казарме».

А в Петербурге друзья поэта не забывали хлопотать о нем; первое место между этими людьми занимала А. И. Толстая, супруга вице-президента академии; она сначала через художника Осипова, а потом сама лично, вела переписку с поэтом и, как только можно, ободряла его и поддерживала надежду на освобождение в его измученной душе.

В это время скончался Император Николай I и на престол вступил Император Александр II. Шевченко с нетерпением ждал милостивого манифеста. Манифест появился, но в нем о Тарасе Григоровиче не было и помину. «И отчего же это я не был представлен к этой Высочайшей милости и вычеркнут из реестра мучеников? Преступление мое велико, но и наказание безгранично. К материальным страданиям 50-летнего солдата присоединилось страдание моральное: мне, которого вся жизнь была посвящена божественному искусству, было запрещено писать стихи и рисовать. Да, уже девять лет казнюсь я за грешное увлечение моей бестолковой молодости!.. О, спасите меня!..» – писал Тарас Григорович гр. Толстой в 1856 году.

С воцарением нового Императора многое изменилось в положении Шевченка; друзья поэта, прежде лишенные возможности не только переписываться с ним, но и сочувственно

относиться к его положению, – теперь как будто ожили, стали посылать ему письма, деньги, и хлопоты об освобождении усилились. Особенно много полезного сделал в это время для поэта М. М. Лазаревский; он первый сообщил Тарасу Григоровичу весть о помиловании. «Поздравляю тебя с великою Царскою Милостью. По просьбе гр. Толстой и графа Толстого ты получаешь отставку и избираешь род жизни», – писал Лазаревский от 2 мая 1857 года.

Ожидая окончательной свободы, поэт составил план поездки; – ему хотелось побывать в Екатеринодаре, Крыму, Харькове, Полтаве, Киеве, в Вильно, но друзья поэта не одобряли этого плана. «Приезжай скорей в Петербург; на Украину не езд; об этом просит тебя графиня, и ты должен ее послушать» – писал ему Лазаревский.

Распоряжение об освобождении должно было пройти всю лестницу инстанций, начиная от шефа жандармов, министров и кончая ротным командиром. На это потребовалось бы немало времени.

«22 июля 1857 г. получилось официальное сообщение о моем освобождении (пишет Тарас Григорович гр. Ф. П. Толстому). В тот же день я просил коменданта дать мне пропуск через Астрахань до Петербурга; но он без воли высшего начальства не может этого сделать»...

Наконец Тарас Григорович уговорил Ускова дать ему пропуск до Петербурга, и 2 августа 1857 года, в 9 часов вечера, он оставил Новопетровское укрепление, пробывши в неволе 10 лет, 3 месяца и 27 дней.

После трехдневного плавания в рыбацкой лодке Шевченко прибыл в Астрахань.

В Астрахани Тарас Григорович задержался на несколько дней, дожидаясь парохода; 15 августа пришел из Нижнего пароход «Князь Пожарский» и простоял в Астрахани 7 дней, а 22-го отплыл снова в Нижний, увозя с собой Тараса Григоровича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.